

В.С. МАЛАХОВ

Гражданство как объект социальной и философской теории: критическое введение

“Tis so,” said the Duchess, “and the moral of that is — ‘Oh, ‘tis
love, ‘tis love, that makes the world go round!’”
“Somebody said,” Alice whispered, “that it’s done by everybody
minding his own business”.
“Ah well, it means much the same thing,” said the Duchess.

Lewis Carroll. Alice in Wonderland¹

Под обложкой этой книги — два очень разных текста. Один представляет собой русский перевод хрестоматийного британского сочинения по теории гражданства. Это эссе Т. Маршалла 1950 г. Другой только что вышел из-под пера российского автора Б. Капустина, который многим русским читателям известен больше, чем Т. Маршалл.

В начале своего эссе Т. Маршалл констатирует, что «выбор целей или идеалов лежит за пределами социальной науки, находясь в рамках социальной философии» (см. с. 146). Английский автор тем самым очерчивает границы собственного подхода и как будто приглашает авторов с другой — не социологической

¹ «Фот как, — сказала герцогиня, — и мораль отсюда такова: “Любофь, любофь — фот что движет миром!”» — «А некоторые говорят, — прошптала Алиса, — что миром движет то, что каждый думает о своем собственном интересе». — «Ну, это почти одно и то же, — сказала герцогиня». — *Л. Кэрролл*. Алиса в стране чудес. (В имеющемся русском издании данный фрагмент передан неточно. — *Примеч. автора.*)

и не экономической подготовкой — заняться темами, которые социология и экономика оставляют вне поля зрения. Они касаются целей и идеалов. И образуют предмет социальной и политической философии.

Поскольку Б. Капустин — философ, его работа в некотором смысле подхватывает эстафету, — он начинает свое рассуждение там, где Т. Маршалл заканчивает.

ГРАЖДАНСТВО КАК ПОЛНОТА ЧЛЕНСТВА — Т. МАРШАЛЛ

Т. Маршалл (1893–1981) для теории гражданства — то же, что Фарадей для теории электричества. Он вошел в списки обязательного чтения по этой теме. Без прямых или косвенных отсылок к эссе Т. Маршалла «Гражданство и социальный класс» не обходится ни одна серьезная публикация по проблематике гражданства, по крайней мере, в англоязычном ареале. Что сделало этот текст хрестоматийным? В какой мере он, через шесть десятилетий после первой публикации, сохраняет актуальность? А в какой мере ссылки на него — скорее дань уважения «классику», чем теоретическая необходимость?

Наверное, авторитет данного текста обусловлен тем, что его автор посмотрел на феномен гражданства в плоскости, в которой на него до сих пор не смотрели: увязал гражданство с темой социального неравенства.

Подходя к делу предельно абстрактно, можно выделить две перспективы в осмыслении интересующего нас феномена: гражданство как подданство и гражданство как участие.

Взятое в ракурсе подданства, гражданство есть отношение между неким властным центром и индивидом, находящимся под его юрисдикцией. Быть гражданином в данном контексте означает нести определенные обязанности перед государством, а также пользоваться правами, связанными с предоставляемой государством защитой.

Во втором случае (гражданство как участие) акцент смещается с юридического отношения на политическое. Быть гражданином означает являться членом определенного политического сообщества и, следовательно, иметь право на участие в его жизни. Понятно, что это невозможно, если гражданам не гарантирована защита от властного произвола. Отсюда проистекают базовые права или «свободы», ассоциируемые с гражданством: неприкосновенность жизни и собственности, свобода слова, свобода собраний и объединений, свобода вероисповедания, право на справедливый суд. Это *civil rights* — гражданские свободы, «*цивильные права*»², которых, впрочем, недостаточно, чтобы можно было говорить об участии. Поэтому они дополняются политическими правами (*political rights*), важнейшим из которых является право избирать или быть избранным в органы государственной власти. Место реализации *цивильных прав* — суд, а *политических* — парламент.

Однако ни для кого не секрет, что и *цивильные*, и *политические права* суть права *формальные*. Реальное пользование ими имеет место не часто, а самое главное — извлечь из них прок могут сравнительно немногие. Судебные издержки обычно велики, а для осмысленного участия в парламентской борьбе нужны либо финансовые, либо административные ресурсы, которыми большинство не располагает³. Таким образом, права гражданства, если они понимаются как исключительно *формально-юридические*, все еще ничего не говорят о реальном *участии* индивидов в жизни того

² Перевод выражения *civil rights* как «гражданские права» страдает неточностью, особенно если учесть, что по-английски существует выражение *civil citizenship*, которое пришлось бы переводить буквально как «гражданское гражданство».

³ Что касается другой части *политических прав* — права участия в голосовании, то возможности повлиять на исход избирательной кампании в высшие органы власти у рядового гражданина крайне ограничены. Отсюда и проистекает скепсис большинства простого люда к корпусу *либеральных (формально-юридических) прав*.

политического сообщества, членами которого они как будто являются. Поэтому Т. Маршалл и говорит о *социальных правах* как о необходимом элементе гражданства. Тем самым он доводит тезис о гражданстве как об участии до логического завершения.

С точки зрения политической теории, проблема, которую затрагивает английский мыслитель, выглядит следующим образом. Гражданство — это категория классификации населения, которая приходит на смену его сословной классификации. Если в домодерновых обществах индивиды считались принадлежащими к той или иной сословной группе (и сообразно этой принадлежности определялись их права), то в обществах модерна единственной легитимной категорией классификации является «гражданин»⁴.

Объявив, что все взрослые индивиды, родившиеся на территории данного государства, суть его граждане и что никакие иные категории деления общества (ранги, сословия, касты) недействительны, мы исходим из фикции равенства. Но, будучи юридически равны друг другу, граждане не равны друг другу фактически. Их реальный доступ к базовым социальным благам прямо зависит от множества факторов. Следовательно, для того чтобы вести речь о гражданстве как участии, т.е. полноправном членстве в политике, необходимо создать условия для его материального воплощения. То есть гарантировать *всем* гражданам, наряду с гражданскими свободами и политическими правами, также и социальные права: доступ к образованию и здравоохранению, материальные гарантии в случае потери трудоспособности и т.д. Иными словами, необходимо гарантировать (а не просто декларировать) участие граждан в «цивилизованной жизни» — достойное (по меркам соответствующего общества) существование.

⁴ По крайней мере, такова логика самой идеи «гражданства». На эмпирическом уровне под категорию граждан долгое время попадали лишь мужчины-собственники. Женщины и «низшие классы» (рабочие) были из гражданства исключены.

Инстанцией, дающей подобные гарантии, выступает, конечно, *welfare state* — государство всеобщего благосостояния, или социальное государство, которое начали строить в Западной Европе после 1945 г. и одним из архитекторов которого в Британии был Т. Маршалл.

ГРАЖДАНСТВО И КАПИТАЛИЗМ

По ходу своего эссе Т. Маршалл обронил фразу о «войне» между гражданством и капитализмом. Казалось бы, мысль вполне прозрачная. Принцип равенства, имплицитно заложенный в принципе гражданства, вступает в противоречие с логикой капиталистического рынка, принципом которого является бесконечное накопление. Капитализм, таким образом, постоянно производит и воспроизводит неравенство. Однако позиция Т. Маршалла в этом пункте осталась неясной⁵. В самом ли деле между гражданством и капитализмом существует антагонизм? Или между ними есть лишь напряжение, которое может быть если не снято, то сглажено?

Если поместить маршалловское эссе в контекст идеологических дебатов середины XX в., оно оказывается между двух огней. Социализма — с одной стороны и либерализма — с другой.

Выдвинув тезис о социальном гражданстве, Т. Маршалл покинул пределы идеологии либерализма. Социальные права этой идеологией не предусматриваются. Предложенная английским социологом триада прав представляет собой своего рода конгломерат из (индивидуальных) *буржуазных* и (коллективных) *демократических* прав⁶.

⁵ На эту неясность указывали многие критики. См.: *Jessop B. Capitalism and Democracy: the best possible shell? // Power and the State / G. Littlejohn, B. Smart, N. Yuval-Davis (eds). L.: Croom Helm, 1978; Giddens A. Profiles and Critique in Social Theory. L.: Macmillan, 1982.*

⁶ Носитель первых — индивид, обладающий собственностью, т.е. буржуа. Носитель вторых — социальный класс и, в частности, наемные рабочие. См.: *Turner B.S. Citizenship and Capitalism: the Debate over Reformism. L.: Allen and Unwin, 1986.*

Увязав темы гражданства и социального класса, Т. Маршалл оказался в поле притяжения социалистических идей. В самом деле, гражданство и класс — разные категории и способы теоретического упорядочения социальной реальности. Противоречие между ними глубоко (и, как не устают подчеркивать марксисты, неустранимо). Ведь что описывает категория «гражданство» как не принадлежность (и, соответственно, солидарность) поверх границ, отделяющих господствующие группы от подчиненных? В качестве членов общества граждан — «гражданского общества» фабричные рабочие, едва сводящие концы с концами, являются частью одного и того же коллектива с главами финансово-промышленных корпораций, занимающими верхние строчки в списках журнала *Forbes*. В той мере, в какой рабочие — часть гражданского общества, их бытие в качестве части рабочего класса теряет значимость, отступает на задний план.

Но Т. Маршалл никоим образом не социалист. Социализм для него неприемлем, поскольку препятствует развитию свободной экономической конкуренции, т.е. капиталистического рынка⁷.

При этом он далек от рыночного фундаментализма à la Ф. Хайек, для которого принцип рынка имплицитно содержит в себе принцип свободы, а потому не подлежит ограничениям⁸. Рыночная стихия несет в себе угрозу для людей, которые в поисках защиты от нее обращаются к государству. Последнее, создавая институты *welfare state*, блокирует разрушительные тенденции капитализма. Тем самым оно спасает общественный организм от деградации.

Однако государство для людей — не только защитник, но и угроза. Ибо чрезмерный контроль над инди-

⁷ Мы здесь не входим в обсуждение вопроса о нетождественности понятий «капитализм» и «рынок».

⁸ Политическое вмешательство в экономическую, т.е. рыночную, деятельность, как полагают Ф. Хайек и его единомышленники, открывает дорогу тоталитаризму.

видами со стороны анонимной бюрократической машины чреват узурпацией власти. И если социалисты делают излишний упор на инстанцию государства, а либералы — на рынок, то реформисты (к коим, как нетрудно догадаться, и принадлежит наш автор) заняты поиском компромисса. Рыночные свободы могут и должны быть ограничены (государством) во благо граждан. Но государство не должно при этом обладать полномочиями, которые позволили бы ему отнять у граждан возможность действовать в качестве свободных экономических субъектов.

Что касается классового разделения общества и связанного с ним социального неравенства, то его нельзя устранить, да и не нужно. Но его последствия можно сделать приемлемыми для общества и тем самым легитимизировать.

Такова идеологическая нить (нить *реформизма*), которую в конце XX в. за Т. Маршаллом подхватят представители *New Labour* — британские лейбористы во главе с Т. Блэром и Г. Брауном⁹.

WELFARE КАПИТАЛИЗМ И WELFARE ГРАЖДАНСТВО

Итак, Т. Маршалл — убежденный адепт той версии социального порядка, которая появилась в Европе вскоре после окончания Второй мировой войны. Имя этого порядка — *welfare state*. Эссе английского автора вышло в свет в самом начале «золотого тридцатилетия» государства всеобщего благосостояния и побед-

⁹ Самым заметным адептом социал-реформизма в Британии последних полутора десятилетий является, конечно, Э. Гидденс с его идеями «третьего пути» и «нового эгалитаризма». (Э. Гидденс был, кстати, советником при правительстве Т. Блэра.) См.: *Giddens A. Beyond Left and Right*. Cambridge: Polity, 1995; *Giddens A. The Third Way*. Cambridge: Polity, 1998; *The Global Third Way Debate / A. Giddens (ed.)*. Cambridge: Polity, 2001; *The New Egalitarianism / A. Giddens, P. Diamond (eds)*. Cambridge: Polity Press, 2005.

ного шествия идей Дж.М. Кейнса. Будущие критики Т. Маршалла укажут на ограниченность его мыслительного горизонта и наивность исходных посылок. Так, Т. Маршалл в 1950 г. молчаливо предполагал, что: а) бесперебойной работе кейнсианской экономики ничего не угрожает; б) нуклеарная семья и впредь будет служить надежной опорой благополучия гражданина; в) щедрые социальные выплаты позволят преодолеть бедность; г) демографическая ситуация останется такой же благополучной, как и в довоенные годы¹⁰.

Между тем кризис кейнсианской модели развития наметился уже на рубеже 1970–1980-х гг. Пробуксовка *welfare state* влечет за собой знаковые политические перемены. К власти приходят «неоконы»¹¹, немало сделавшие для того, чтобы дискредитировать идеи *welfare state* и освободить государство от социальной ответственности. Начинается медленный, но неуклонный демонтаж государства всеобщего благосостояния, глубоко эшелонированный идеологически. Усилиями «неоконов» *welfare state* предстает как бюрократический монстр, источник экономической неэффективности и социального паразитизма.

Г. Браун однажды в шутку заметил, что правительства индустриально развитых стран постоянно сталкиваются с дилеммой: «либо хорошая экономика за счет хорошего общества, либо хорошее общество за счет хорошей экономики». Либо эффективность, рентабельность, высокая норма прибыли и т.д., но при этом — сокращение социальных расходов, уменьшение товарной стоимости рабочей силы, ухудшение условий труда и снижение экологических стандартов.

¹⁰ См.: Roche M. Rethinking Citizenship, Welfare Ideology and Change in a Modern Society. Cambridge: Polity Press, 1992.

¹¹ Строго говоря, ни М. Тэтчер, ни Р. Рейган не были последовательными приверженцами доктрины, которую позже назовут «неоконсерватизмом». Их подверстали туда задним числом. Но коль скоро сами «неоконсерваторы» ведут свою родословную именно отсюда, от подобных тонкостей позволительно отвлекаться.

Либо поддержка заведомо «нерентабельных» сфер (образование, здравоохранение, пенсионное обеспечение, беспризорные дети, лесные зоны и зеленые насаждения и т.д.), что влечет за собой отток капитала в страны с менее требовательным населением и более стоворчивыми профсоюзами (или с их отсутствием). Но если лейбористы хотя бы отдадут себе отчет в существовании проблемы, то для неконсерваторов все проблемы заключены в моральной плоскости — в нежелании бедных трудиться и непонимании ими ценности «активного гражданства»¹². Кроме того, неимущие развращены государственными программами поддержки, и вообще им присуща склонность к паразитизму.

Т. МАРШАЛЛ КАК НОСИТЕЛЬ БРИТАНСКОГО ОПЫТА, ИЛИ ЧИСТО АНГЛИЙСКИЙ ДИСКУРС

Эссе Т. Маршалла несет отчетливый отпечаток не только времени, но и *места* своего написания. Текст поистине поражает своей сосредоточенностью на национальном — англо-британском¹³ — контексте. Мира вне Британии для автора словно не существует. Все свои примеры он черпает из истории Британии, все его аллюзии отсылают к британскому опыту. Единственный из приводимых Т. Маршаллом примеров, который взят

¹² Сам термин *active citizenship* в Великобритании появился в начале 1990-х с подачи консервативного Кабинета министров. Перед тем как приватизировать железные дороги, правительство собирало критику работы Британских железных дорог (British Railway) со стороны рядовых пассажиров. Их выступления в СМИ и были представлены как проявление «активного гражданства».

¹³ Англия и Британия для Т. Маршалла — понятия синонимичные, поскольку специфика Шотландии и Уэльса его не занимает. Иной взгляд на Британию отстаивают М. Хечтер и Т. Нейрн, с 1970-х годов педалирующие тему английской колонизации Британских островов. См.: *Hechter M. Internal Colonialism: The Celtic Fringe in the British Development*. L.: Routledge & Kegan Paul, 1975; *Nairn T. The Break-up of Britain: Crisis and Neonationalism*. L.: New Left Books, 1977.

не из британской истории — Французская революция, да и та преподносится им в весьма непривычном для нас свете. Французская революция в его глазах предстает вовсе не как этап на пути институционализации прав гражданства, а как остановка на этом пути!

Но проследживать англоцентризм Т. Маршалла — не самое интересное занятие. Гораздо интереснее другое — обнаружить те особенности британской истории, которые обусловили маршалловскую постановку вопроса. А постановка эта в значительной мере чисто британская, не характерная для других стран¹⁴.

Попробуем показать британскую специфику по контрасту с Германией. Если в Англии буржуазная революция была успешной (решительный удар по феодальному порядку был нанесен в XVII в., а окончательная политическая победа буржуазии над аристократией произошла в первой трети XIX в.), то в Пруссии и в десятках мелких немецких государств буржуазная революция не состоялась. Это определило политическое устройство и диспозиции социально-классовых сил в каждой из стран. В Англии к 30-м годам XIX в. формируется сильная буржуазия, а десятилетием позже — организованный рабочий класс (чартизм). В Германии, к моменту ее объединения в 1871 г., складывается совсем другая картина: слабая буржуазия, политическое господство юнкерства и сравнительно слабо организованный рабочий класс¹⁵. Отсюда контраст двух

¹⁴ Приводимый ниже сравнительный анализ британского случая на фоне других западных стран представляет собой компиляцию из двух основных источников — статьи М. Манна 1987 г. и трактата Б. Тернера 1990 г. См.: *Mann M. Ruling Class Strategies and Citizenship // Sociology. 1987. Vol. 21. No. 3. P. 339–354; Turner B.S. Outline of a Theory of Citizenship // Sociology. 1990. Vol. 24. P. 189–217.*

¹⁵ Позднее немецкий рабочий класс наберет силу и организует, но тем не менее останется на периферии политического поля. Он будет восприниматься правящими кругами кайзеровской Германии не как субъект общественно-политических дискуссий, а как источник революционной угрозы.

политических систем: в Англии — действительно независимый парламент и судебная система (опирающаяся на традицию *common law* — толкования закона участниками судебного спора), в Германии — полное доминирование «исполнительной» власти, т.е. бюрократической машины, и управляемый парламент. Что касается правовой сферы, то немецкая версия ее развития нашла воплощение в феномене *Rechtstaat*, что не совсем точно передается русским выражением «правовое государство». Режим *Rechtsstaat* означает, что государство гарантирует тем, кого признает своими гражданами, неукоснительное соблюдение их гражданских свобод, строго ограничивая при этом их политические права.

Особенности социально-классовой структуры и политической системы обусловили целый ряд различий английского и германского вариантов, а именно: характерных для каждой из стран представлений о сущности государства, функционирования публичной сферы, доминирующей идеологии и, в конечном итоге, способа восприятия феномена гражданства.

В британском случае государство предстает как арбитр, следящий за соблюдением правил игры разными политическими игроками (причем правила эти, в свою очередь, сложились в ходе борьбы, а не были навязаны некоей внешней инстанцией). В немецком варианте государство — скорее патрон, инстанция, возвышающаяся над обществом. В Британии публичная сфера (она же и гражданско-политическая, или «гражданское общество») — разветвленная система институтов, действующих автономно от правительства. В Германии (напомним, что речь идет о периоде с 1870-х гг. до начала Первой мировой войны) публичная сфера не только не развита, но и воспринимается совершенно иначе, чем на островах туманного Альбиона. Для британцев публичное пространство — пространство индивидуальной и групповой конкуренции, а также место самореализации личности. Для немцев со времен

йенских и берлинских романтиков публичная сфера таит в себе скорее опасности, чем возможности для индивида. То, что по-немецки называется *Innerlichkeit*, может сильно пострадать от *Oeffentlichkeit* и «неподлинности» и «несобственности»¹⁶, с ней сопряженной.

На этом фоне четко просматриваются различия в конфигурации идеологического поля. В Британии в течение последней трети XIX в. получают широкое распространение социалистические, анархистские и «тред-юнионистские» идеи. В Германии к концу XIX — началу XX в. складывается причудливая смесь поощряемого высшей бюрократией этатизма и милитаризма, а также идущего со стороны средних классов (университетская профессура, чиновничество, журналисты, мелкие торговцы, гимназические учителя и т.д.) национализма. Важный элемент этой идеологии — недоверие к демократическим идеям, идущим снизу. Для немецкого «образованного общества» той поры *working class democracy* — англосаксонское изобретение, несовместимое с «немецким духом».

В британской политической традиции (и, соответственно, политической культуре) чрезвычайно высока ценность парламентаризма (централизованная власть оставила притязания на монополию еще в XVII в.¹⁷). В Германии О. Бисмарк парламент — скорее совещательный орган при правительстве, чем источник власти.

Другой особенностью британского способа ведения политики является то, что П. Андерсон назвал «градуализмом» (*gradualism*), — принцип постепенности

¹⁶ Здесь вполне показана аллюзия к М. Хайдеггеру и его пониманию «подлинности» и «собственности» (*Eigentlichkeit*).

¹⁷ Мы имеем в виду не столько спор между парламентом и королем в 40-е годы XVII в., который закончился казнью последнего, сколько ситуацию, сложившуюся после Славной революции 1688 г. С этого момента приглашенный король не являлся инстанцией, способной противостоять парламенту.

перемен¹⁸. Это, опять-таки, резко отличает Британию от ее европейских соседей (в частности, от Франции, которая добивалась перемен чередой революций). Но, пожалуй, решающим отличием британской политической культуры от политической культуры континентальной Европы XIX — начала XX в. является роль *компромисса* в поиске приемлемого для конкурирующих социально-классовых групп решения. Государство, как мы уже заметили, воспринимается в Британии как арбитр, следящий за соблюдением социального контракта между различными общественными силами. В немецком же восприятии государство — самостоятельная сила¹⁹.

Из перечисленных выше особенностей и проистекает специфически британское понимание феномена гражданства, выразителем которого стал Т. Маршалл. *Проблематика гражданства в британском контексте* — это, прежде всего, *смягчение неравенства* в доступе к ключевым социальным ресурсам (чтобы завершить наше сопоставление с Германией, отметим, что в немецком случае проблематика гражданства осмысливается по преимуществу в моральном ключе — ответственность, обязательства и т.д.).

Ради наглядности эти различия можно представить в виде таблицы 1.

¹⁸ П. Андерсон связывает эту черту британского политического поведения с такими особенностями национальной истории, как: а) отсутствие на островах сухопутной армии, в силу чего у короля не было возможности опереться на военных, задумай он сконцентрировать в своих руках большую власть, чем та, которой он располагал; б) ранняя демилитаризация аристократии; в) инкорпорирование в политическую элиту городского торгового класса. См.: Андерсон П. Родословная абсолютистского государства. М.: Территория будущего, 2010.

¹⁹ В этой связи характерны и определение М. Вебером государства через монополию на легитимное насилие, и афоризм К. Шмитта, согласно которому в государстве не может быть политики, в государстве может быть только полиция (ибо его функция — защита народа от внешних и внутренних врагов).

Таблица 1

Условия формирования представлений о гражданстве в Англии и Германии (XIX в. — первая половина XX в.)

	Англия	Германия
Социально-классовая структура	Сильная буржуазия + организованный рабочий класс	Слабая буржуазия при сильной земельной аристократии (юнкерстве), отодвинутый на периферию политического процесса рабочий класс
Политическая система	Сильная парламентская власть, значительная роль судебной системы, основанной на традиции «прецедентного права»	Слабый парламент, гипертрофия административно-бюрократической власти, <i>Rechtsstaat</i>
Восприятие государства	Государство — арбитр в споре различных политических сил	Государство — патрон, гарант безопасности и личных свобод
Особенности публичной сферы	Развитое и дифференцированное <i>civil society</i> . Публичность — сфера конкуренции и самореализации индивидов	Слабое <i>bürgerliche Gesellschaft</i> . Публичность — потенциальная угроза приватности и аутентичности индивида (<i>Innerlichkeit</i>)
Господствующие идеологические течения	Сильное влияние идей социализма, анархизма и тред-юнионизма	«Немецкая идеология» конца XIX — начала XX в. — национализм, недоверие к рабочему классу и вырабатываемой им идеологии

	Англия	Германия
Основные черты политической культуры	Ценность парламентаризма и " <i>gradualism</i> " (постепенность реформ и поиск компромисса)	Государствоцентризм, скептическое отношение к парламентаризму
Восприятие феномена гражданства	Проблематика гражданства — неравный доступ к социальным ресурсам	Проблематика гражданства — моральные обязательства

Как видим, то обстоятельство, что интересующий нас текст появился именно в Англии, далеко не случайно. Позволительно выразиться сильнее: подобное сочинение и не могло появиться нигде, кроме Англии. Даже в такой, на первый взгляд, близкой ей стране, как США.

Для Америки и, соответственно, для мыслителей, социализировавшихся в Соединенных Штатах, в высшей степени не характерны интуиции, которые англичанину Т. Маршаллу кажутся естественными. Проблематика социально-классового разделения общества никогда не была центральной для американских авторов. Тому есть несколько причин. Во-первых, в Америке, в отличие от Старого Света, не существовало исторически обусловленной сословной стратификации. Американцам не нужно было ни бороться с сословной иерархией, как французам (пролившим в ходе этой борьбы реки крови), ни прилагать усилия по приспособлению традиционной иерархии (корона, Палата лордов, государственный статус Англиканской церкви) к новым условиям, как англичанам. Во-вторых, чрезвычайно распространенный миф об Америке как стране равных возможностей дает толчок развитию отчетливо индивидуалистической психологии. Ее суть состоит в

непоколебимой вере в ценность (и результативность!) индивидуального усилия. Ваш успех или неуспех зависит исключительно от вас самих — вашей энергии, ума, мотивированности, креативности. Американский индивидуализм — не самая благодатная почва для роста социалистических и прочих коллективистских идей. Социализм в Америке лишен сколько-нибудь массовой поддержки. Американские рабочие традиционно невосприимчивы к лозунгам левых радикалов.

Но этому факту есть и другое объяснение, выводящее нас из сферы спекуляций о национальном менталитете и политической культуре в сферу диспозиций классов на политическом поле. Заметим, что, говоря об американских рабочих, мы представляем их себе как *белых мужчин*. И это, кстати, верно, поскольку небелые трудящиеся и женщины были напрочь исключены из игры. Белые рабочие в Америке получили политические права уже к 1840 г., т.е. на целых полвека раньше, чем это случилось в самых передовых странах Западной Европы. Важно понимать, что это стало возможным благодаря систематическому исключению из прав гражданства широких слоев населения (женщины, чернокожие и «цветные», некоторые категории иммигрантов). И если женщины в США получили политические права в 20-е годы XX в., а чернокожие — в середине 60-х, то эксплуатация трудовых иммигрантов первого поколения до сих пор остается одним из столпов американского благополучия.

Здесь уместно обратить внимание на различия в способах инкорпорирования рабочего класса в политические системы Англии и Соединенных Штатов. В Англии это включение происходит в ходе борьбы рабочих за свои права. Они выступают в этой борьбе как *социальный класс* — одна из сторон оппозиции «обладатели рабочей силы / владельцы средств производства». Соответственно их объединения (профсоюзы) являются представителями труда в его оппозиции

капиталу. В Америке же рабочие инкорпорируются в политическую систему как *одна из групп давления* — квазикорпорация, которая участвует в торге за привилегии наряду с другими корпорациями²⁰. Их профсоюзы — не выразители интересов трудящихся классов, а группы, эксплуатирующие свою рыночную власть и торгующиеся с другими группами (носителями иных интересов) на политическом рынке. Они используют свой ресурс (этничность и квалификацию) против других, иноэтничных и низкоквалифицированных слоев трудящихся.

Так складывается характерный для Америки режим гражданства, который М. Манн называет «либеральным». Его содержание: максимизация гражданских и политических прав при минимизации социальных. Режим гражданства, отстаиваемый Т. Маршаллом, отличается от либерального тем, что, сохраняя в прежнем объеме гражданские и политические права, он предполагает развитие социальных прав. Это реформистский режим гражданства.

Проиллюстрируем сказанное с помощью таблицы 2.

Завершая наши компаративистские эскизы, подчеркнем, что Т. Маршалл не только описывает реформистский режим гражданства, но и *участвует в его создании*. Т. Маршалл — не просто аналитик и пропагандист реформизма как способа организации общества и государства. Он один из строителей этой организации.

²⁰ Эти привилегии они и получают за счет неквалифицированной иммигрантской рабочей силы. Поначалу — ирландцев, итальянцев и выходцев из Восточной и Южной Европы, затем китайцев, корейцев и прочих выходцев из Азии, подвергавшихся сверхэксплуатации и лишенных каких-либо прав. Причем не только *de facto*, но и *de jure*. Например, специально принимавшиеся «антикитайские» законы лишали мигрантов из Китая права выступать свидетелями в суде.

Таблица 2

Режимы гражданства в Англии и США

	Англия	США
Социальная стратификация	Иерархизированное общество	Отсутствие явной традиции иерархии, высокая ценность эгалитаризма
Идеологическое поле	Распространение социалистических и социал-реформистских идей	Индивидуализм, недоверие к коллективистским идеологиям
Особенности политической борьбы	Длительная традиция рабочего движения, понимаемого в классовых терминах	Рабочие объединены не на классово-вой, а на корпоративной основе
Особенности рабочих объединений	Профсоюзы включены в политическую систему в качестве представителей (трудящихся) классов	Профсоюзы включены в политическую систему в качестве одной из «групп давления»
Процедуры включения / исключения	История второй половины XIX — начала XX в. как история прогрессирующего включения в гражданство прежде исключенных групп	История второй половины XIX — начала XX в. как история продолжающегося исключения исключенных групп
Режим гражданства	Реформистский	Либеральный

МЕТОД Т. МАРШАЛЛА

Свою типологию гражданства Т. Маршалл представляет не только как логическую, но и как историческую. Распространение гражданских прав он относит к XVIII в., политических — к XIX в., а социальных — к XX в.

Эту последовательность несложно релятивизировать, показав, например, что социальные права часто предшествовали политическим²¹, которые, в свою очередь, зачастую не следовали за гражданскими свободами²². Впрочем, сам Т. Маршалл был прекрасно осведомлен о том, что реальная картина с правами гражданства в истории сильно отличалась от нарисованной им схемы — недаром он делает соответствующие оговорки. Поэтому претензии к нему могут быть предъявлены не с фактографической (эмпирической), а с методологической (теоретической) стороны. В теоретико-методологическом плане английский автор обнаруживает себя приверженцем эволюционизма²³.

²¹ Например, как показало исследование Р. Бендикса, право на (начальное) образование утвердилось во многих странах Западной Европы еще в первой половине XVIII в.: в Дании первые начальные школы появились по королевскому указу в 1721 г., в Пруссии — в 1737 г. См.: *Bendix R. Nation-Building and Citizenship. N.Y.—L.—Sydney: John Wiley, 1964.* Да и у самого Т. Маршалла есть указания на то, сколь значительный объем социальных прав имели в Средние века крестьяне благодаря институту сельской общины, а горожане — благодаря статусу жителей «свободного города». Здесь уместно вспомнить тезис Ч. Тейлора, согласно которому эпоха абсолютизма (т.е. XVII–XVIII вв.) представляла собой регресс с точки зрения объема и содержания прав по сравнению со Средневековьем. Гражданства в Новое время стало больше, а прав меньше (и они были хуже защищены). См.: *Taylor Ch. Der Begriff der 'buergerlichen Gesellschaft' im politischen Denken des Westens // Gemeinschaft und Gerechtigkeit / M. Brumlik, H. Brunkhorst (Hrsg.). Fr.a.M.: Fischer, 1993. S. 117–148.*

²² Так, в Пруссии Фридриха Великого, равно как и в России Екатерины Великой, дворянство пользовалось полнотой гражданских прав и свобод, но о политических правах не могло быть и речи. Случается (хотя довольно редко) и обратное: широкие политические права при необеспеченности гражданских свобод (Никарагуа после победы сандинистов, Венесуэла при Уго Чавесе).

²³ На эту слабость текста Т. Маршалла не раз указывали критики. См., например: *Giddens A. A Contemporary Critique of Historical Materialism. Vol. 2. The Nation-State and Violence. Cambridge: Polity Press, 1985. P. 204–207.*

История гражданства (и как идеи, и как института) предстает у Т. Маршалла в виде истории поступательного развития, постепенного и неуклонного (пусть и с эпизодами, когда оно тормозилось или даже обращалось вспять) восхождения от низшего к высшему — от состояния, когда и объем прав, и количество их обладателей были ограниченными, к состоянию, когда объем прав неизмеримо расширился, а количество их обладателей едва ли не совпадает со взрослым населением страны.

Чем была обусловлена такая эволюция? Эксплицитно Т. Маршалл такого вопроса не ставит. Но в той мере, в какой он присутствует в его рассуждениях имплицитно, можно предположить, что дело заключается в ... доброй воле. В прогрессе морального сознания (здесь вполне уместно вспомнить о гегелевском видении истории как «прогресса в сознании свободы»).

Человек как существо цивилизованное не может смириться с тем, что какая-то часть его собратьев живет в нецивилизованном состоянии. Или, как формулирует эту мысль предшественник и однофамилец нашего автора А. Маршалл (1842–1924), — с тем, что не все члены общества суть джентльмены. Им, стало быть, надо помочь стать джентльменами.

Моральное чувство цивилизованного человека — напомним, что предикат «гражданский» в случае с «правами» и в случае с «обществом» один и тот же (*civil rights, civil society*) — бывает оскорблено, когда он сталкивается с проявлениями вопиющего неравенства. Отсюда проистекает задача: добиться *приемлемого* (asserable) социального неравенства.

Затрагивая вопрос о переходе от докапиталистической формы организации общества к капиталистической, Т. Маршалл обращается к знаменитому труду К. Поланьи, вышедшему шестью годами раньше первой публикации его собственного текста²⁴. И на фоне

²⁴ См.: Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002.

К. Поланьи британский автор, надо сказать, смотрится не слишком выгодно. В центре внимания «Великой трансформации» — водораздел, пролегающий между капитализмом и предшествовавшей ему социальной формацией. Победу капитализма К. Поланьи связывает с утверждением так называемой «свободы контрактов», согласно которому в сделке, совершаемой между обладателем средств производства и наемным работником, не должно существовать посредников. Это свободный договор (контракт) свободных людей. Одни покупают труд, другие его продают. Осуществить этот принцип до определенного момента — а именно до политической победы буржуазии над классами, господствовавшими при «старом режиме», — было абсолютно невозможно.

Прежнее законодательство (елизаветинский Закон о бедных, а также «шкала Спинхемленда», привязывавшая минимальную оплату труда к ценам на хлеб) не позволяло провести в жизнь лукавую абстракцию под названием «свобода контрактов». Добившись отмены этого законодательства в 1834 г., английская буржуазия сняла последние препятствия на пути развития капитализма²⁵. К. Поланьи специально останавливается на этом моменте, подчеркивая фундаментальное противоречие между институциональной и нормативной системой феодального (сословно-династического) общества, с одной стороны, и общества капиталистического (буржуазного, «гражданского») — с другой²⁶.

В методологическом плане К. Поланьи выступает как представитель *исторического материализма без марксизма* (приверженцем той же методологии был, кстати,

²⁵ Как остроумно формулирует К. Поланьи, новые правила «положили конец человеколюбивому правлению лендлордов с их системой пособий». См.: Поланьи К. Великая трансформация. С. 95.

²⁶ Примечательно, что немецкий термин *Buergerliche Gesellschaft* можно перевести и как «буржуазное», и как «гражданское» общество. Именно буржуазия — она же «третье сословие» — является основой и мотором этого общества.

такой великий земляк Т. Маршалла, как Э. Геллнер). Но наш автор — идеалист, причем как в бытовом, так и в специально-философском значении слова.

Понятийные инструменты, с помощью которых он предлагает читателю осмыслить процесс утверждения капитализма, — «преобладающий дух времени», «экономическая свобода индивида», «универсальная свобода» и т.д. *Риторические фигуры* общественных дискуссий первой трети XIX в. (когда развернулся решающий этап борьбы между классом предпринимателей, стремившимся к устранению последних препятствий на пути создания «свободного» рынка труда, и патримониальным государством, защищавшим простой люд от капризов рынка) Т. Маршалл готов использовать в качестве *категорий анализа*. Он, например, воспроизводит аргументы лорда Мансфильда, одного из сторонников отмены Статута о ремесленниках, утверждавшего, что этот закон находится в противоречии с «естественным правом».

В этой части текста Т. Маршалла особенно много высказываний «идеалистического» свойства, т.е. таких, которые обнаруживают и прекраснодушие их отправителя, и его склонность объяснять социально-структурные процессы субъективными намерениями людей. Что такое, например, «разрыв связи (буквально “развод”, *divorce*) между социальными правами и статусом гражданства», который Т. Маршалл с сожалением констатирует применительно к XVIII–XIX столетиям? Ведь «социальные права», существовавшие в домодерновых обществах, имели совершенно иное обоснование, чем социальные права, появившиеся (точнее, завоеванные) на рубеже XIX–XX вв. Они обосновывались ссылкой на «естественное право» (*natural law*), т.е. установленный самим Богом закон²⁷. Гарантии от голодной смерти, предоставлявшиеся низам общества

²⁷ В эпоху секуляризации приверженцы традиции *естественного права* будут говорить о его укоренности в «самой природе».

в Средневековье, родились не из понятия гражданства (и, соответственно, равенства), а из представления о «естественной» статусной иерархии. Естественность этой иерархии, опять-таки, коренилась в Божьем промысле: центральный суверен (монарх) отвечал за жизнь находящихся под его властью сирых и убогих, а местные сюзерены — за жизнь и благополучие всех, кто находился у них в вассальной зависимости. Этот порядок воспринимался как абсолютно легитимный и верхами, и низами общества²⁸. Так что ни о какой идее гражданства здесь не может быть и речи. Похоже, что Т. Маршалл гипостазировал понятие гражданства. Зажив отдельной жизнью, оно превратилось в самостоятельную реальность со своей логикой и историей. Или, выражаясь иначе: сначала оно было вырвано автором из истории, а затем (в изложении автора) обросло собственной историей.

ГРАЖДАНСТВО КАК ОБЕЩАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА — Б. КАПУСТИН

В российском интеллектуальном сообществе найдется не много людей, столь же компетентных в истории политической философии, как Б. Капустин. Но еще меньше тех, кто претендовал бы на роль политического философа. Б. Капустин в этой роли уже давно и успешно выступает²⁹. От большинства русских самодумов, пи-

²⁸ Поэтому все социальные волнения Средневековья вращались вокруг требований вернуться к прежнему (несправедливо, по мнению восставших, повышенному) размеру податей или повинностей, а отнюдь не вокруг их отмены.

²⁹ См.: *Капустин Б.Г.* Современность как предмет политической теории. М.: РОССПЭН, 1998; *Капустин Б.Г.* Идеология и политика в посткоммунистической России. М.: УРСС, 2000; *Капустин Б.Г.* Критика политического морализма // Вопросы философии. 2001. № 2; *Капустин Б.Г.* К понятию политического насилия // Полис. 2003. № 6; *Капустин Б.Г.* Моральный выбор в политике. М.: Книжный дом «Университет», 2004; *Капустин Б.Г.* О предмете и употреблении понятия «революция» // Логос. 2008. № 6; *Капустин Б.Г.* Критика политической философии: избранные эссе. М.: Территория будущего, 2010.

шущих так, как если бы они жили в духовном вакууме, Б. Капустина отличают огромная эрудиция и бережное обращение с существующим корпусом научной литературы. Данная работа не является исключением. Проработанный им массив политико-философских трудов поистине впечатляющ. Особенно учитывая то обстоятельство, что эта проработка для него не самоцель, а средство для собственных теоретических построений.

Но вряд ли Б. Капустин нуждается в панегириках. Дань уважения к его работе можно выразить и в форме полемического отклика на нее. Что я и попытаюсь сделать ниже.

Мы не погрешим против истины, если вычленим следующую последовательность тезисов, выдвинутых в работе Б. Капустина.

1. Гражданство не есть статус. Гражданство — это «образ жизни, вырастающий из внутреннего мира человека».

2. Гражданство внутренне связано со свободой. Гражданство, понятое как статус, есть всего лишь «средство быть свободным», тогда как существуют (должны существовать?) условия, при которых гражданство есть «способ быть свободным».

3. Феномен гражданства не следует понимать в отрыве от феномена гражданского общества, так как между ними существует *необходимая* связь.

4. Гражданское общество есть сфера отношений между гражданами. Этим оно отличается от «политического общества» (государства), которое есть сфера отношений между государством и гражданами.

5. Гражданское общество не есть совокупность неправительственных (некоммерческих) организаций. Оно вообще не может быть понято как совокупность институтов. Оно должно рассматриваться как событие.

Свои соображения по поводу высказанных тезисов я сгруппирую вокруг трех основных вопросов.

- 1) Сводим ли гражданство к статусу?
- 2) Является ли связь между понятиями «гражданство» и «гражданское общество» необходимой?
- 3) Следует ли пересматривать устоявшееся понимание гражданского общества как совокупность институтов, опосредующих отношения между государством и приватной сферой?

СВОДИМО ЛИ ГРАЖДАНСТВО К СТАТУСУ?

Б. Капустин ставит под сомнение определение гражданства через совокупность прав. Тем самым он привлекает внимание к аспекту феномена гражданства, который остается за горизонтом Т. Маршалла. А именно: если гражданство есть, прежде всего, членство в политике, то это предполагает определенное отношение индивида к политике. Иными словами — определенную идентичность. Гражданство, стало быть, есть не только юридическое отношение, но и отношение *моральное* (в гегелевском значении слова «мораль»). Бытие гражданином означает не просто обладание определенными свободами и привилегиями, но и осознание своей принадлежности к конкретному политическому сообществу. А это, в свою очередь, ведет и к определенной моральной (культурной) принадлежности. Ибо всякое крупное политическое сообщество (нация-государство) имеет морально-культурное измерение.

Конечно, в разных контекстах культурное содержание нации-государства понимается по-разному. В Германии в слове «нация» отчетливо слышны этнические коннотации³⁰. Во Франции культурная общность нации воспринимается как выражение политической

³⁰ До недавнего времени немецкие обществоведы настойчиво подчеркивали несводимость друг к другу понятий *Kulturnation* и *Staatsnation*. Первое обозначало сообщество происхождения, или «общность судьбы», второе — общую юрисдикцию, подданство территориальному государству.

общности³¹. В Америке само наличие общей для всех граждан США «американской культуры» вообще оспаривается, и лояльность индивидов нации означает их приверженность базовым ценностям (либеральная демократия, приоритет индивидуальной свободы, неприкосновенность прав собственности и т.д.³²). Но как бы ни были существенными эти различия, во всех случаях бесспорно одно. Гражданин — это индивид, привязанный к политическому целому не только правовыми, но и моральными узами, обладающий гражданской идентичностью.

Отсюда вытекает следствие, образующее стержень целой традиции в понимании гражданства — традиции так называемого *республиканизма*. Если ограничить ретроспективу Новым временем, то последняя восходит к Ж.-Ж. Руссо, а если всмотреться в историю мысли глубже, то корни «республиканизма» нетрудно обнаружить у Аристотеля. Именно к этой традиции примыкает Б. Капустин.

Сам автор, однако, не спешит в этом признаться. Более того, в одной из сносок он прямо отмежевывается от «гражданского республиканизма». У него есть на то веские причины, и чуть позже мы попытаемся их обнаружить.

А пока вернемся к критике Б. Капустиним маршалловского понимания гражданства. Российский философ категорически возражает против редукции

³¹ Гражданское единство здесь логически и исторически предшествует культурному единству. Подробнейший анализ французской и немецкой «моделей» нации проведен в классической работе Р. Брубейкера. См.: *Brubaker R. Citizenship and Nationhood in France and Germany. Cambridge, Mass.: Cambridge University Press, 1992.*

³² Ошибкой было бы полагать, что корпус «американских ценностей» состоит исключительно из ценностей политических. В него входят также такие морально-культурные ценности, как вера в Бога, вера в достижение успеха своими силами, уважение к людям независимо от их этнического происхождения, а также умение писать и говорить по-английски.

гражданства к статусу. В той мере, в какой Т. Маршалл отвлекается от ценностных аспектов феномена гражданства, это возражение справедливо. Однако хотелось бы сделать одно уточнение. Определяя гражданство через статус, английский автор рассуждает не в *юридическом*, а в *социологическом* ключе. Речь идет о переходе от традиционного к современному обществу. Этот переход, среди прочего, заключается в смене одной социальной организации, основанной на статусной иерархии, другой, в которой такая иерархия не нужна. Если прежде население государства состояло из множества категорий, сообразно которым определялись объем и содержание их прав (аристократия, духовенство разных рангов, гильдии купцов и адвокатов, ремесленные цеха и т.д.), то теперь единственная значимая категория — граждане. В этом (и только в этом) смысле гражданство есть статус. Оно есть статус, отменяющий все иные возможные статусы.

Таким образом, Т. Маршалл далек от «юридического идиотизма», последовательным и страстным оппонентом которого выступает Б. Капустин.

Как мы видели, если гражданство для Т. Маршалла — *правовое* отношение, то для Б. Капустина оно, по преимуществу, представляет собой *моральное* отношение. Отсюда его неудовлетворенность маршалловской схемой: гражданство = статус + институты. Памятуя о том, что эта схема, в самом деле, не всеохватна, я тем не менее не могу удержаться от желания ее защитить.

Ведя речь о гражданстве как правовом отношении, Т. Маршалл схватывает саму сердцевину этого явления. Сколько бы республиканцы ни смещали акцент на обязательства гражданина перед сообществом, права в гражданстве первичны. Это права членов города-государства — в античности, или нации-государства — в модерне. Благодаря наличию прав члены политики отграничены от тех, кто из этого членства исключен. Гражданство — это граница, которая проходит и во вне государства (граждане vs. чужеземцы), и внутри.

Граждане греческого полиса или Римской империи тем и отличаются от неграждан, что обладают определенными правами. И наоборот: женщины, метеки, рабы не являются гражданами потому, что у них нет прав. Понятие права осмысленно только при условии, что существует инстанция, которая в состоянии обеспечить права и/или применить санкции в случае их нарушения. Таков, в частности, суд, который гарантирует соблюдение гражданских прав (*civil rights*) и в который граждане обращаются с исками, если какое-то из этих прав не соблюдается. Таковы поддерживаемые государством системы здравоохранения, образования, а также органы, ведающие социальным обеспечением («социальным развитием»). Поэтому Т. Маршалл и добавил к понятию статуса понятие института. Институты образуют объективные условия возможности гражданства. Без них никакого гражданства не существует. Неоаристотелики могут сколько угодно напоминать об ответственности, обязательствах и прочих моральных аспектах гражданства, но до того момента, пока индивид не наделен реальными правами, смешно ожидать от него соблюдения каких-либо обязанностей.

Для российского философа, однако, большее значение имеют субъективные условия возможности гражданства. Отсюда его эксплицитные отсылки к руссоистской концепции гражданина и имплицитные отсылки к аристотелевской трактовке гражданства как способности. По Аристотелю, состоятельные мужчины (главы домохозяйств) являются гражданами полиса по той причине, что обладают нужной для этого степенью «разумности». Соответственно исключенные из гражданства люди исключены из него потому, что у них с «разумностью» не все в порядке. Либо более низкая ее степень (как у женщин), либо полное отсутствие (как у рабов, представляющих собой «говорящие орудия»).

Перед нами — последовательно элитистский дискурс. Этот дискурс не очень хорошо сочетается с эга-

литариизмом той леворадикальной линии в современной политической философии, примкнуть к которой намерен Б. Капустин. Похоже, именно по этой причине он не афиширует свою приверженность аристотелевской традиции.

Именно «аристотелизмом» Б. Капустина объясняется, на мой взгляд, та моральная нагрузка, которой подверглось у него понятие «гражданин». Гражданин, по Б. Капустину, — существо почти неземное. Он является собой полную противоположность «буржуа». Если буржуа печется исключительно о собственной выгоде, то гражданин — исключительно об «общем благе». Эта заимствованная у Ж.-Ж. Руссо дихотомия является структурообразующей для всего капустинского рассуждения. На одном полюсе — «частное лицо» (существо, озабоченное партикулярным), на другом — «гражданин» (существо, озабоченное универсальным). Поэтому выражение «частный гражданин» в глазах нашего автора представляет собой оксюморон.

Отсюда проистекают энергичные выпады Б. Капустина по адресу клиентелизма — потребительского отношения индивидов к обществу, в котором они живут. Их превращение в «клиентов» в его глазах выглядит как прямое противоречие с самим содержанием гражданства — активности во имя общего блага. Здесь российский философ рассуждает в унисон с Ю. Хабермасом, который, кажется, первым обратил внимание на эту тенденцию (он же ввел в широкий научный оборот сам термин «клиентелизм»). На протяжении примерно четверти века на Западе выходят работы, авторы которых, несмотря на разницу идеологических перспектив, с тревогой отмечают, что развитие *welfare state* имело своим результатом не рост социальной солидарности, а рост паразитизма. Так что с Б. Капустиним в этом пункте трудно не согласиться.

Тем не менее его пафос в этой связи мне представляется несколько чрезмерным. Во всяком случае, слово «трагизм», которое он использует для описания про-

тиворечия между «частным лицом» и «гражданином», якобы разворачивающегося в душе каждого человека, слишком сильное.

Реальный гражданин един в трех лицах. Он предстает как: а) субъект, б) объект и в) клиент. В качестве члена сообщества граждан, гражданской нации, «демоса» он — источник и опора демократического суверенитета. В качестве объекта юрисдикции определенного государства он — обладатель прав и носитель обязанностей (уплата налогов, военная служба). Наконец, в качестве получателя определенных услуг и гарантий, предоставляемых государством («социальных бенефитов», о которых Б. Капустин всегда упоминает с ноткой неодобрения), он — клиент. Если между этими тремя ролями и есть противоречие, то оно не является неразрешимым.

К тому же мотивы реальных граждан более сложны, чем это представляется руссоистскому воображению. Сочетание в одном действии самых разных мотиваций хорошо иллюстрирует один американский мюзикл. «Мальчик, зачем ты здесь?», — спрашивает сержант новобранца. — «Во-первых, я хочу помочь. Во-вторых, я — патриот. В-третьих, меня заставили»³³.

Рассуждая идеально-типически, Б. Капустин предлагает провести границу между гражданством «политико-демократическим» и «юридически-имперским». Первый тип гражданства существовал по Б. Капустину (а точнее, по Дж. Поукоку) в античном полисе, причем довольно непродолжительное время — до казни Сократа. (Это время его «заката». А с какого момента датировать его начало?) Затем начались «сбои» этой организации. В результате на смену «политико-демократическому» гражданству и пришло гражданство «юридически-имперское». Если формула первого — «Управлять и быть управляемым», то формула второго — «Судить и быть судимым». Здесь россий-

³³ Цит. по: Смирнов А. Национализм: нация = коллективное действие: пустое означающее // Логос. 2006. № 2. С. 161.

ский автор солидаризируется с уже упомянутым новозеландским коллегой Дж. Поукоком (J.G.A. Pocock).

Вообще явные и неявные референции к греческому полису, вернее, к той *идеализации* греческого полиса, которая сделалась общим местом современной политической философии с легкой руки Х. Арендт³⁴, образуют теоретический фон размышлений Б. Капустина (несмотря на все его усилия этот фон скрыть). Свободные и ответственные граждане и политическое сообщество, ими создаваемое, — таковы исходные абстракции Х. Арендт периода написания ею *Vita activa*, заимствуемые российским автором.

Но, строго говоря, образ античного полиса, здесь моделируемый, имеет весьма стороннее отношение к исторической действительности. Полисы Древней Греции не просто сильно отличались от представления о них Х. Арендт. Они были полной противоположностью этому представлению. Первое, о чем не очень любят задумываться авторы, инспирированные Х. Арендт (кстати, мыслителем праволиберальным), — это количество граждан в полисе. Они составляли *меньшинство* его населения. Их свобода и досуг существовали за счет труда многократно превышавшей их массы людей³⁵. Но если этот факт более или менее известен и относительно легко может быть обойден³⁶, то второе обстоятельство делает теоретическое построение à la Х. Арендт совсем шатким. Дело в том, что граждане греческого города-государства не были свободными

³⁴ Надо, однако, заметить, что эта идеализация уходит корнями в эпоху Просвещения.

³⁵ Так, в Афинах к началу Пелопонесской войны (432 г. до н.э.) насчитывалось примерно 40 тыс. граждан при общем населении в 300 тыс. душ. В Спарте, в которой в конце V в. до н.э. проживало 250 тыс. человек, граждан было 5 тыс. (вместе с семьями — 15 тыс. человек). См.: Шаму Ф. Цивилизация Древней Греции / пер. с франц. Т. Баженовой. Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ Москва, 2009. С. 238–239.

³⁶ Б. Капустин, например, касаясь темы античного гражданства, всякий раз оговаривается в том смысле, что здесь, конечно, «не все граждане».

существами в современном смысле этого слова. Будь то в «негативной» (свобода как свобода от ограничений) или в «позитивной» (свобода как свобода самореализации) интерпретации. Гражданин Афин, Спарты или Фив жил в жестко регламентированном мире. Поведенческие предписания, которым он подчинялся, были подкреплены религиозными санкциями. Словом, он не знал той свободы, которой его наделили ученые эпохи Просвещения³⁷.

Добавим сюда еще одну черту исторического (а не логически сконструированного) античного полиса. Его граждане не слишком рьяно относились к исполнению своих гражданских обязанностей. Случалось, что их приходилось загонять на агору силой или хитростью³⁸.

И последнее, что хотелось бы заметить в связи с ролью античного идеала гражданства в теории Б. Капуста. Согласно этой теории две ипостаси индивида — материально озабоченное частное лицо и политически озабоченный гражданин — с трудом совместимы³⁹. Их

³⁷ Первым автором, выступившим против приписывания гражданам греческого полиса современных представлений о свободе, был Б. Констан. См.: *Констан Б. О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей* // Полис. 1993. № 2. С. 97–106.

³⁸ «...несмотря на уловки, такие как *mistos ecclesiasticos*, жетон для получения вознаграждения за присутствие на заседании, который учредили в IV в., чтобы привлечь граждан к участию в собрании, возмещающая расходы за потраченное не на работу время, несмотря на вмешательство полицейской стражи (скифских стрелков), которая подгоняла прохожих в направлении Пникаса, и несмотря на то, что теоретически гражданин мог прекрасно заниматься управлением государством, оно тем не менее было отдано на усмотрение меньшинства праздных горожан, которых привлекали забота об общественной пользе, авторитет оратора или соблазн денежного вознаграждения», — отмечает Ф. Шаму. См.: *Шаму Ф. Цивилизация Древней Греции*. С. 251–252.

³⁹ Истоки этой интуиции вновь уходят в работы Х. Арендт. Согласно немецко-американской исследовательнице *социальное* (как сферу материальной заботы) следует строго отличать от *политического* (как сферы, в которой индивид проявляет себя как заинтересованный в делах гражданского сообщества).

совмещение есть главная задача «гражданского общества». Между тем в греческом полисе агора была местом не только для политических собраний, но и для вполне материальной меркантильной деятельности. В Фивах, например, правом быть избранным обладал лишь гражданин, торговавший на агоре не менее десяти лет⁴⁰.

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ СВЯЗЬ МЕЖДУ ГРАЖДАНСТВОМ И ГРАЖДАНСКИМ ОБЩЕСТВОМ НЕОБХОДИМОЙ?

Б. Капустин начинает свою работу с констатации того факта, что понятия «гражданство» и «гражданское общество» в теоретической литературе редко рассматриваются вместе. В этом он усматривает своего рода парадокс. Ведь гражданское общество есть, что ни говори, общество, состоящее из граждан⁴¹. Тем не менее львиная доля социологических, политологических и политико-философских работ, посвященных гражданству, вообще обходятся без понятия «гражданское общество».

На мой взгляд, усмотреть здесь нечто парадоксальное можно только при одном условии. А именно, если рассматривать гражданство и гражданское общество как *нормативные* понятия. Так это и происходит у Б. Капустина. Иначе и быть не может, поскольку перспектива, из которой Б. Капустин смотрит на вещи, —

⁴⁰ Шаму Ф. Цивилизация Древней Греции. С. 250.

⁴¹ Между прочим, аргумент в пользу связи между этими понятиями, опирающийся на их этимологию (*civitas* = гражданская община, *civitatus* = гражданин), бьет мимо цели. В английском и французском языках они являются разнокоренными: «*citizen*» («*citoyen*») и «*citizenship*» («*citoyenneté*») происходят от слова «город» (*city*, *cité*), а *civil society* — от слова «цивильный», цивилизованный. *Civil society* в том значении, которое вкладывали в это выражение в пору его возникновения (в последнюю треть XVIII в.), — это общество культивированных людей, джентльменов (и, возможно, сопровождавших их леди). Его визави не государство, а общество варваров, грубых пейзазов, невежественной «черни».

политическая философия (она же, согласно англо-американской традиции, и моральная философия, *moral philosophy*). Ее предмет — должное, а не сущее.

Смена перспективы с эмпирической и социологической на нормативно-философскую позволяет поднять обсуждение на более высокий уровень, за что читатели наверняка будут российскому автору благодарны. Но рассуждение с этой позиции имеет не только свои преимущества, но и издержки.

Согласно Б. Капустину гражданское общество никоим образом не следует мыслить статически, как совокупность институтов. Оно *случается* в том смысле выражения *to happen*, которое в него вкладывал Э. Томпсон в своей знаменитой книге о формировании английского рабочего класса⁴². Оно есть событие.

Событие гражданского общества, по мысли Б. Капустина, происходит там и тогда, где и когда индивиды перестают быть частными лицами («буржуа») и становятся гражданами в собственном смысле слова. То есть поднимаются над партикулярным интересом до осознания «всеобщего» и до действия в горизонте «всеобщего» (здесь автор прямо обращается к Гегелю.)

Энергия и задор, с какими Б. Капустин пишет о гражданском обществе, во многом напоминают энтузиазм, с каким в свое время писали о демократии. Закрадывается подозрение, что «гражданское общество» у российского автора — эвфемизм «демократии». Но коль скоро данный термин подвергся в последние два десятилетия инфляции, Б. Капустин не решается предпринять попытку вернуть его «подлинное» значение.

Наш автор отказывает в праве носить гордое имя «гражданского общества» любым формальным организациям (будь то НПО, политические партии или профсоюзы). Они не есть гражданское общество. Они бюрократизированы, иерархичны, зачастую авторитарны. В противовес им подлинное гражданское

⁴² См.: *Thompson E. P. The Making of the English Working Class.* N.Y.: Pantheon Books, 1963.

общество — это сфера чистой спонтанности, не контролируемой (ни государством, ни капиталом) активности и т.д. Главное обстоятельство, беспокоящее в этой связи Б. Капустина, — то, что так называемые «неправительственные организации» (НПО) не являются *независимыми* объединениями, ибо находятся в зависимости от спонсоров. Стало быть, они в действительности служат не общему благу, а неким корпоративным целям. Они ориентированы не на «всеобщее», а на «партикулярное», т.е. в конечном итоге — частное. И вправду, до всеобщего ли вам, когда надо думать о годовом отчете, о бюджете и о финансировании на ближайшие несколько лет?

Здесь сразу напрашиваются, по меньшей мере, два возражения. Первое — теоретическое, второе — нормативное.

Первое возражение касается чрезмерно вольного обращения автора с понятием «организация». В «теории организаций» (есть такое дисциплинарное ответвление в политологии) под понятие «организация» подпадают: а) политические и социальные движения; б) политические партии; в) группы давления. *Движения*, в отличие от партий, не имеют жесткой структуры, не формализованы, но они имеют тенденцию к формализации. То, что вчера было движением, завтра может стать партией. Но, как бы то ни было, движения (спонтанность, бескорыстие и независимость которых так привлекают Б. Капустина) — это тоже организации. Не случайно многие из них за довольно короткий период характерным образом полностью переродились. Приводимые Б. Капустиным примеры («Солидарность» в Польше, «Саюдис» в Литве и т.д.) говорят как раз об этом. *Группы давления*, в отличие от партий, не стремятся к власти, что не мешает им оказывать на нее влияние — либо в виде косвенного участия в процессе принятия политических решений, либо в виде финансирования тех или иных политических партий или НПО (деятельность которых, возможно, приведет

к смене повестки дня). Словом, ничего крамольного в том обстоятельстве, что партии представляют собой склонные к бюрократизации структуры, а НПО берут у кого-то деньги, нет.

Аргумент про деньги можно развить. Дело в том, что в современном обществе «чистые», т.е. не опосредованные деньгами, отношения сведены к минимуму. Таков способ его функционирования, нравится это кому-то или нет. Можно сколько угодно лелеять перед мысленным взором идеал некоей «нравственной разумности», свободной от меркантильных примесей (нравственно то, что бескорыстно, прямо по Канту), но он ни на йоту не приблизит нас к пониманию современной сферы публичности. А ее устройство таково, что она без денег просто не работает. Обмены, совершаемые в публичной сфере (экономические, политические, символические), опосредованы деньгами. Деньги нужны и на производство некоммерческого кино, и на функционирование коммунистических партий, и на популяризацию взглядов Общества сознания Кришны. Поэтому разоблачения финансовой подоплеки (изнанки?) деятельности НПО непродуктивны.

Более того, они контрпродуктивны, ибо льют воду на мельницу врагов гражданского общества. Если мы думаем, что в самом факте наличия денежной составляющей в работе, скажем, правозащитных или экологических организаций есть какой-то скандал, то разве тем самым мы не рассуждаем в унисон со штатными пропагандистами из официальных российских СМИ, для которых предать огласке бюджет этих организаций означает их дискредитировать?

Аргорос, несколько замечаний по поводу, во-первых, формы обращения НПО с денежными средствами и, во-вторых, того, как сказывается их связь с деньгами на характере влияния на (гражданское) общество.

Во-первых, бюджеты НПО в отличие от бюджетов коммерческих структур абсолютно прозрачны. О них есть подробнейшая информация на сайтах их спон-

соров. В оплате труда сотрудников НПО нет «серого нала». Их бухгалтерские отчеты с лупой изучают налоговые органы. И, между прочим, огромная доля грантов, получаемых российскими НПО из-за рубежа, идет в госбюджет в виде налогов.

Во-вторых, международные НПО-монстры (типа Green Peace или Human Rights Watch) с огромным бюджетом и мощной управленческой инфраструктурой, разумеется, далеки от идеала спонтанности и бескорыстия. Так же обстоит дело и с крупными, действующими в масштабах стран профсоюзами. Более того, их руководство определенным образом коррумпируется, в том числе через кооптацию в круг действующих политических элит. Однако следует заметить, что именно благодаря своим увесистым бюджетам, разветвленной системе администрирования (а иногда и неформальным связям с сильными мира сего) эти организации могут чего-то добиваться, т.е. быть политически эффективными. И наоборот, чем больше в деятельности НПО спонтанности и бескорыстия, тем менее они политически эффективны⁴³. Хотя их действия иногда бывают благодаря медийному освещению весьма эффективны.

Перехожу ко второму (нормативному) возражению. Мне кажется некорректным некое высокомерие автора по отношению к реально работающим — в тех же партиях, профсоюзах и НПО — людям. Автор избрал объектом своей иронии организации вроде сообществ пчеловодов и эзотериков. Они для него — яркая иллюстрация неспособности «некоммерческих организаций» представлять гражданское общество. Но в орбиту его внимания почему-то не попали экологические организации (скажем, защитников Химкинского леса) или независимые профсоюзы (не «шмаковские» полуофициальные, а те, что возникли и работают вопреки воле начальства). Спору нет, философ не обязан спускаться с высоты абстрактных понятий в низины

⁴³ Я не хочу тем самым утверждать, что здесь существует обратная пропорциональная зависимость.

плоской эмпирии. Но коль скоро он сопровождает свое рассуждение образами, взятыми из повседневности, хотелось бы, чтобы эта повседневность не выглядела столь выхолощенной. Можно было, например, вспомнить не о неких туманных «фермерах», а, скажем, о Союзе солдатских матерей, Обществе защиты прав автомобилистов, Московской Хельсинкской группе, «Гражданском содействии», «Форуме переселенческих организаций» (если ограничиться только российскими примерами). Уместен ли пренебрежительный жест по отношению к партиям, НПО и профсоюзам на том основании, что у них есть руководство, служебная субординация и бюджет? Возможно, что в правозащитном центре «Мемориал» работают не ангелы во плоти. Но разве то, чем занималась Наталья Эстимирова, не служило общему благу? Вполне вероятно, что среди защитников Химкинского леса не все движимы одинаково бескорыстными порывами. Но разве это преуменьшает достоинство (если не сказать подвиг) Михаила Бекетова? Не сомневаюсь, что к партии «Яблоко» у российских граждан масса претензий. Но разве от этого девальвируется вклад ее активистов в борьбу с коррупцией, в отстаивание свободы слова, в организацию протестных (гражданских) акций?

Обе группы высказанных выше возражений упираются, в конечном итоге, все в то же истолкование Б. Капустиным гражданского общества как понятия по преимуществу *нормативного*⁴⁴, т.е. морального. Гражданское общество у Б. Капустина — это территория чистой спонтанности, отрицающей всякую организованность, а значит, и всякую институционализацию. Там, где появляются институты, гражданское общество исчезает. Оно есть сфера нравственно чи-

⁴⁴ Сам автор, впрочем, оговаривается, что видит свою задачу не в замене «дескриптивного» подхода «прескриптивным» (нормативным), а в их «сопряжении». Не совсем понятно, кстати, куда при этом исчез третий возможный подход — аналитический.

стого (ибо бескорыстного) действия. Тем самым понятие «гражданское общество» бесконечно удаляется от рутины социальной жизни. Оно превращается в «улыбку Чеширского кота» (с которой автор, кстати, его сравнил в другом месте)⁴⁵. Иными словами, оно исчезает. И ухватить его мы сможем разве что благодаря искусству умелых политических философов.

Мне, однако, представляется, что феномен гражданского общества вполне может быть понят вне нормативного контекста. А именно как сфера *взаимодействия*, во-первых, институтов различного происхождения и различной направленности, а во-вторых, индивидов и групп, руководствующихся самыми разными (и отнюдь не всегда высокими) мотивами.

Такое понимание предлагает, например, Эрнест Геллнер.

Речь идет, конечно, о его труде *Conditions of Liberty: Civil Society and its Rivals*, вышедшем по-английски в 1994 г. и всего лишь год спустя на русском языке⁴⁶. Между прочим, странно, почему в богатейшей библиографии, сопровождающей труд Б. Капустина, для этой публикации не нашлось места. Более того, имя Э. Геллнера ни разу не упомянуто ни в основном тексте, ни в примечаниях, специально посвященных обзору литературы.

Гражданское общество, по Э. Геллнеру, есть не что иное, как обозначение особого *социального порядка*. Или, другими словами, особой *формы социальной организации*. Особенность ее заключается в двух вещах: в автономии политики от экономики и в отсутствии идеологической монополии.

Тем самым оно предстает уже не в качестве нормативного понятия (или не только в качестве нор-

⁴⁵ См.: Капустин Б. Что такое «гражданское общество»? // Гуманитарный контекст. 2009. № 1.

⁴⁶ Причем в очень хорошем переводе, что бывает нечасто. См.: Геллнер Э. Условия свободы: гражданское общество и его противники. М.: Ad marginem, 1995.

мативного понятия⁴⁷). Это — понятие, описывающее определенное устройство общественной жизни, причем достаточно прочное, чтобы не зависеть от способностей составляющих его индивидов. Граждане, из которых оно состоит, очень разные по своим качествам. Многие из них (а скорее всего, большинство) своекорыстны. Но даже если они не пройдут придирчивого теста на «гражданственность», им удастся поддерживать строй, именуемый *civil society*.

Почему это происходит? Прежде всего потому, что реальные (а не сконструированные в руссоистской лаборатории) люди в одно и то же время руководствуются разными мотивами. Они, в зависимости от обстоятельств, проявляют себя и как своекорыстные частные лица, и как озабоченные общим благом граждане. Например, вставая на пути бульдозеров, чтобы не дать начать очередную «точечную застройку», или организуя акцию «синее ведерко», протестуя против злоупотреблений спецсигналами на чиновничьих автомобилях. Тем самым они одновременно отстаивают и свой частный интерес, и «общее благо», не говоря уже о том, что само «общее благо» нагружается различным смыслом в разных контекстах.

СЛЕДУЕТ ЛИ ПЕРЕСМАТРИВАТЬ УСТОЯВШЕЕСЯ ПОНИМАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА?

Для автора этих строк отрицательный ответ на поставленный выше вопрос подразумевается сам собой. Согласно устоявшейся традиции словоупотребления гражданское общество понимается как промежуточ-

⁴⁷ «Гражданское общество» у Э. Геллнера — это и концепт (обозначающий некую реальность), и «идея», лозунг, т.е. нечто, нацеленное на мобилизацию людей; стало быть, нормативный аспект в этом понятии все же сохраняется.

ная сфера между государством и приватной жизнью индивидов (сферой семьи). Иногда в эту схему вводится рынок, или сфера коммерческих отношений, и тогда гражданское общество — это «третий сектор» наряду с государством и бизнесом. Но каковы бы ни были нюансы, конститутивным моментом гражданского общества выступает его автономия от административно-политической машины, именуемой государством. Гражданское общество — это «совокупность различных неправительственных институтов, достаточно сильных, чтобы служить противовесом государству и, не мешая ему, выполнять роль миротворца и арбитра между основными группами интересов»⁴⁸.

По Э. Геллнеру, гражданское общество возникает там, где есть институциональный и идеологический плюрализм. Это два основных условия возможности его развития. Первое — наличие множества конкурирующих друг с другом и взаимно уравнивающих (т.е. препятствующих монополизации власти) институтов. Второе — ни одна из систем взглядов не может претендовать на окончательную истину (на статус «единственно верного» учения).

Понимаемое в таком ключе гражданское общество существует независимо от слабостей отдельных индивидов или всей их массы. Если угодно, оно даже предполагает эти слабости.

Впрочем, читатели сами решат, удовлетворяет ли их такой подход или им больше по душе подход Б. Капустина. Позволю себе лишь заметить, что существо этого подхода не просто обнаружить. В тексте российского автора, как мне показалось, сосуществуют разные концепции гражданского общества.

С одной стороны, Б. Капустин постоянно подчеркивает, что гражданское общество возможно лишь там, где есть граждане. Граждане же, как мы помним, есть

⁴⁸ Геллнер Э. Условия свободы. С. 13.

там, где индивиды по капле выдавили из себя «буржуа» и научились работать для «всеобщего» (оно же «общее благо»). С другой стороны, в тексте Б. Капустина есть ряд пассажей, где он, отмежевываясь от «моралистических» трактовок гражданского общества, утверждает, что гражданских обществ может быть много. Сколько? Столько же, сколько существует трактовок «общего блага»? Тогда возникает вопрос, берет ли на себя автор бремя отделить агнцев от козлиц и установить критерий, по которому определенные его трактовки (например, человеконенавистнические — расистские, нацистские и т.д.) будут отброшены? Или такого критерия нет? Признаться, я не нашел в тексте Б. Капустина ясности по этому поводу. Единственное, что мне в этой связи удалось обнаружить (но что меня еще больше запутало), — это мнение российского философа (вернее, мнение Э. Гатмен, к которому Б. Капустин однозначно присоединяется), что «Ку-клус-клан» является «образцовой организацией гражданского общества», если в качестве критерия отнесения к нему принять «добровольность объединения, сетевой характер, наличие доверия между членами, приверженность общим, причем “постматериалистическим” ценностям».

С одной стороны, Б. Капустин не устает повторять, что гражданское общество есть там, где есть спонтанность, самоактивность, порыв, самоорганизованность. Там же, где есть институциализация, гражданскому обществу приходит конец. С другой стороны, автор периодически прибегает к тому («институционалистскому») пониманию этого феномена, от которого столь энергично отмежевывается. В частности, ссылаясь на исследование Шерри Берман об истории нацификации Германии в период Веймарской республики, он говорит о «гражданских обществах», которые «не только не препятствовали, но способствовали подъему и по-

Гражданство как объект социальной... теории беде нацизма». То есть он молчаливо отправляется от представления о гражданском обществе как совокупности институтов — некоммерческих организаций.

* * *

История понятия «гражданство» в нашей стране как-то не задалась. Это слово едва вошло в общественное употребление в эпоху реформ Александра II и начало набирать вес после Октябрьского манифеста 1905 г., как случилась катастрофа. При большевиках граждан вытеснили «товарищи». Единственной сферой, в которой словарь гражданства использовался, оказалась сфера уголовно-процессуальная («гражданин начальник», «граждане судьи») и бюрократически-административная («граждане, на выход!»).

Столь же незавидная участь ждала при коммунистах понятие «гражданское общество». Ситуация вокруг этого выражения в русскоязычном культурном ареале может быть описана как блистательное отсутствие⁴⁹. Разительный контраст с обилием литературы на английском (прекрасно отраженным в работе Б. Капустина). Энтузиазм, который сопровождал появление у нас понятия «гражданское общество» на рубеже 1980–1990-х гг., довольно быстро сменился скепсисом, если не сказать — апатией⁵⁰.

⁴⁹ Заостряя ту мысль, что прямой перевод выражения «civil society» на русский язык невозможен, петербургский социолог В. Волков предложил вернуться к его российскому аналогу — выражению «общественность». См.: Волков В. «Общественность»: забытая практика гражданского общества // Pro et contra. 1997. Т. 2. № 4. С. 77–91.

⁵⁰ Профессиональный обзор российской рецепции этого концепта можно найти в статье молодого финского автора С. Салмениеми. См.: Салмениеми С. Теория гражданского общества и постсоциализм // Общественные движения в России: точки роста, камни преткновения. Сб. статей под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант»; ЦСПГИ, 2009. С. 96–119.

И все же ни гражданство, ни гражданское общество не претерпели в постсоветской России такой масштабной девальвации, какую претерпел либерализм. Если дискуссии о русском будущем либеральной идеи сегодня выглядят как нечто почти фантастическое, то спокойное публичное и академическое обсуждение темы гражданства и гражданского общества вполне вероятны. Позволительно надеяться, что публикуемые ниже тексты сослужат добрую службу таким дискуссиям.